

Portrait of a man with glasses and a book.

Handwritten signature in cursive script.

R
28465V

Griboyedov, Aleksandr Sergeevich

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
Polnoe sobranie sochinenii
СОЧИНЕНИЙ

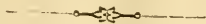
А. С. ГРИБОѢДОВА.

Подъ редакціей Арс. И. Введенскаго.

pod red. Ars. I. Vvedenskago.

Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ А. С. ГрибоѢдова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

469171.
11.12.47

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. Маркса.
1892.

Дозволено цензурою. СПБ. 11 юля 1892 г.

РГ
3337
Г7
1892

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

(Биографическій очеркъ).

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, выѣхавшаго въ Московское царство изъ Польши. Дворянина Михаила Ефимовича Грибоѣдова «жаловаль» царь Михаилъ Ѳеодоровичъ «за ево многія службы» царю Василю Ивановичу «во нужное и во прискорбное время». При царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ выдвигается нѣкто Ѳеодоръ Ивановичъ Грибоѣдовъ, сынъ Яна Гржибовскаго, подписавшій, въ числѣ пяти составителей, «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича. Эта послѣдняя отрасль фамиліи, вѣроятно, была въ близкомъ родствѣ съ первою; полагають, что Ѳеодоръ Ивановичъ былъ вызванъ царемъ съ родины, въ качествѣ свѣдущаго законника, для составленія названнаго памятника русскаго законодательства, и быть-можетъ, именно по указанію своихъ родственниковъ. Къ концу восемнадцатаго вѣка Грибоѣдовы сдѣлались чисто русскими.

Александръ Сергѣевичъ былъ представителемъ обоихъ этихъ родовъ. Отецъ его, секундъ-майоръ Сергѣй Ивановичъ, потомокъ Яна Гржибовскаго, женился въ 1793 году на Настасьѣ Ѳеодоровнѣ Грибоѣдовой, происходившей отъ рода Михаила Ефимовича. Отъ этого брака и родился знаменитый творецъ «Горя отъ ума», 4 января 1795 года, въ Москвѣ. Родители его принадлежали къ высшему московскому обществу, которое Грибоѣдовъ имѣлъ, поэтому, возможность хорошо узнать еще въ юные годы. Настасья Ѳеодоровна постаралась дать своему сыну основательное образованіе. Первымъ воспитателемъ Грибоѣдова былъ Петрозилиусъ, замѣчательный ученый энциклопедистъ, затѣмъ Богданъ Ивановичъ Юнъ, докторъ правъ, знатокъ классиковъ, который основательно познакомилъ своего воспитанника съ древними языками. Зная съ ранняго возраста нѣсколько иностранныхъ языковъ, Грибоѣдовъ имѣлъ возможность близко ознакомиться и съ новѣйшими литературами. Онъ очень любилъ му-

зыку, впоследствии зналъ прекрасно теорію этого искусства и былъ извѣстенъ даже какъ превосходный импровизаторъ на фортепьяно.

Въ 1810 году Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ на этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета (нынѣшній юридическій факультетъ) вольнослушателемъ и слушалъ лекціи профессоровъ Гейма, Соханскаго, Рейнхардта, Шлецера, Снегирева. Особенное вліяніе имѣлъ на него профессоръ исторіи и эстетики Буле, занимавшійся съ нимъ на дому философскими и политическими науками. Время, проведенное въ университетѣ, Грибоѣдовъ всегда вспоминалъ съ любовью и благодарностью. Уже тогда онъ пристрастился къ литературѣ и началъ писать; есть извѣстіе, что будто бы 17-лѣтнимъ студентомъ онъ читалъ уже Іону и товарищамъ отрывки изъ «Горя отъ ума»; но, конечно, это раннее произведеніе, если оно и существовало, было далеко отъ того, которое обезсмертило имя Грибоѣдова.

Годъ Отечественной войны вызвалъ Грибоѣдова на другое поприще. Въслѣдствіе воззванія правительства къ студентамъ Московскаго университета, онъ, выдержавъ экзамень на кандидата, поступилъ корнетомъ въ Московскій гусарскій полкъ, который формировался тогда изъ аристократовъ графомъ Салтыковымъ. Полкъ этотъ составлялся медленно, а скоро, за смертью Салтыкова, и совѣмъ распущенъ; тогда Грибоѣдовъ перешелъ въ Иркутскій гусарскій же полкъ. Участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона ему, однако, все-таки не пришлось: Иркутскіе гусары были причислены къ резервамъ, и дальше Брестъ-Литовска не пошли. Въ это время Грибоѣдовъ познакомился и близко сошелся съ адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ, С. Н. Бѣгичевымъ, дружба съ которымъ связывала его потомъ всю жизнь. Бездѣйственная, разгульная жизнь, господствовавшая среди офицеровъ того времени, не осталась безъ вліянія на Грибоѣдова, и страстная натура нерѣдко увлекала его далеко за предѣлы благоразумія. Такъ, съ Бѣгичевымъ они вѣхали однажды во второй этажъ дома, гдѣ былъ балъ; другой разъ Грибоѣдовъ забрался во время богослуженія на хоры церкви какого-то католическаго монастыря на мѣсто органа, превосходно импровизировалъ церковные гимны, и затѣмъ вдругъ началъ играть «камаринскую». Внутренно Грибоѣдовъ чувствовалъ ненормальность подобной жизни и впоследствии писалъ: «я въ этой дружинѣ всего побылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ какъ не могу попасть на путь истинный».

Бѣгичевъ былъ, однако, не участникомъ только въ затѣяхъ Грибоѣдова. Но всѣмъ даннымъ, это былъ человекъ выдающагося ума; онъ

скоро понялъ Грибоѣдова и постарался отворатить его отъ праздной, разгульной жизни; сестра Грибоѣдова, Марья Сергѣевна, прямо называла Бѣгичева «провидѣніемъ» своего брата. Относящееся къ тому же времени знакомство съ извѣстнымъ драматическимъ писателемъ, княземъ Шаховскимъ, тоже служившимъ въ военной службѣ, осталось не безъ вліянія на литературныя стремленія Грибоѣдова. Уже изъ Бреста онъ послалъ въ «Вѣстникъ Европы» письма «О кавалерійскихъ резервахъ» и о праздникѣ въ честь генерала Кологривова, получившаго тогда награду. Вѣроятно къ тому же времени относится переводъ Грибоѣдовымъ пьесы «Le Secret du ménage», подъ заглавіемъ «Молодые супруги».

Военная жизнь, между тѣмъ, теряла для Грибоѣдова привлекательность; онъ стремился въ Петербургъ. И въ 1815 году мы видимъ его уже въ столицѣ. Черезъ князя Шаховскаго Грибоѣдовъ близко сошелся съ кружкомъ писателей и драматурговъ, между прочимъ съ П. А. Катенинымъ, Жандромъ, Хмѣльницкимъ, Гречемъ. Онъ страстно увлекался театромъ, и при тогдашней строгости относительно театровъ, доходившей до запрещенія выражать неодобреніе актерамъ, не разъ рисковалъ, какъ говорятъ, серьезно поплатиться за свои увлеченія, если бы его не удерживалъ извѣстный позже поэтъ князь А. И. Одоевскій, съ которымъ Грибоѣдовъ подружился въ то время. 29 сентября 1815 года поставлена на петербургской сценѣ въ первый разъ и переводная пьеса его самого: «Молодые супруги». Въ началѣ слѣдующаго, 1816 года Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку изъ военной службы. Свѣтская жизнь, которую велъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни, отвлекала его отъ литературы; тѣмъ не менѣе, появившаяся въ срединѣ года статья его «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой Леноры», обратившая на себя вниманіе, свидѣтельствуетъ объ интересѣ, съ которымъ относился онъ къ литературнымъ явленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о замѣчательной независимости мысли, объ опредѣленности и ясности представленій о литературѣ. Имя Грибоѣдова появляется въ то же время въ спискѣ членовъ мазонской ложи *Des amis réunis*. По свидѣтельству Бѣгичева, Грибоѣдовъ написалъ въ этомъ году нѣсколько сценъ «Горя отъ ума», въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ была между прочимъ жена Фамусова, сантиментальная поклонница моды, позже со-всѣмъ исключенная изъ комедіи.

Въ слѣдующемъ, 1817 году Грибоѣдовъ опредѣлился на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ декабрѣ произведенъ въ переводчики коллегіи. Въ это время случилось обстоятельство, оставившее въ жизни его довольно яркій слѣдъ. Грибоѣдову, жившему

тогда въ одной квартирѣ съ гр. Завадовскимъ, случилось какъ-то пригласить къ себѣ на чай извѣстную тогда балетную актрису Истомину. Кавалергардскій офицеръ Шереметевъ, пользовавшійся ея особеннымъ расположеніемъ, и ревновашій ее къ Завадовскому, по совѣту А. П. Якубовича, вызвалъ Грибоѣдова на дуэль. Грибоѣдовъ отказался, но выразилъ готовность стрѣляться съ Якубовичемъ. Дуэль состоялась между Шереметевымъ и Завадовскимъ, и первый былъ убитъ. По просьбѣ отца убитаго, все участники дуэли были прощены и только одинъ Якубовичъ сосланъ на службу на Кавказъ, и съ нимъ, какъ увидимъ позже, должна была состояться дуэль Грибоѣдова.

Между тѣмъ умъ и исключительное образованіе Грибоѣдова, владѣвшаго нѣсколькими языками, обратили на него вниманіе министра иностранныхъ дѣлъ, который и предложилъ ему мѣсто секретаря при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персію, Мазаровичъ. Неохотно, но согласился Грибоѣдовъ на это назначеніе, оказавшееся позже фатальнымъ для него. Въ октябрѣ 1818 года онъ былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ стрѣлялся съ Якубовичемъ, былъ раненъ въ руку, и отъ этой раны у него свело мизинецъ на рукѣ—признакъ, по которому узнали его изуродованное тѣло.

Въ началѣ 1819 года Грибоѣдовъ уѣхалъ въ Персію. Повѣренный въ дѣлахъ, Мазаровичъ, не отличался качествами хорошаго дипломата, особенно для азіатской страны: онъ унижался передъ персидскими властями. Совершенно иное направленіе, насколько позволяло ему официальное положеніе его, далъ русскоій политикъ въ Персію Грибоѣдовъ. Представившись въ Тавризѣ наслѣднику персидскаго престола, Аббасу-Мирзѣ, и шаху въ Тегеранѣ, онъ дѣятельно занялся изученіемъ персидскаго и арабскаго языковъ — послѣдняго, какъ служащаго основаніемъ для многихъ нарѣчій Востока, — а также нравовъ и характера персіянъ. Держалъ онъ себя съ такимъ достоинствомъ, что заслужилъ уваженіе даже со стороны враждебной Россіи англійской миссіи въ Тавризѣ и благосклонность Аббасъ-Мирзы, но въ то же время и ненависть нѣкоторыхъ персидскихъ сановниковъ, хорошо понимавшихъ, что въ лицѣ Грибоѣдова Персія получила сильнаго представителя русскихъ интересовъ. Найдя въ Персіи множество русскихъ, вступившихъ тамъ въ войска шаха, Грибоѣдовъ уговорилъ многихъ изъ нихъ воротиться въ Россію. Несмотря на интриги и препятствія со стороны персіянъ, онъ послѣдовательно провелъ это дѣло до конца и ему поручено было проводить отряды переселенцевъ въ русскія границы. Не разъ рисковалъ Грибоѣдовъ жизнью на этомъ тревожномъ пути, среди озлобленныхъ персіянъ, которымъ не могли быть пріятны дѣйствія

энергичнаго секретаря миссiи, но знанiе переевъ и тактъ помогли Грибоѣдову безпрепятственно исполнить порученiе и даже не потерять при этомъ расположенiя Аббаса-Мирзы и шаха, пожаловавшихъ ему орденъ Льва и Солнца 2-й степени. Часы досуга отъ дипломатической дѣятельности Грибоѣдовъ посвящалъ любимымъ занятiямъ: музыкѣ, литературѣ и чтенiю. По словамъ Булгарина, «Горе отъ ума» начато именно въ Тавризѣ. «Будучи въ Персiи въ 1821 году, — рассказываетъ онъ, — Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ. Онъ легъ спать въ кiоскъ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившiй ему любезное отечество со всемъ, чтѣ осталось въ немъ милого для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей рассказываетъ о планѣ комедiи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ «Горя отъ ума» и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедiя сiя заняла все его досуги и онъ окончилъ ее въ Тифлисѣ, въ 1822 году». Какъ ни мало заслуживаютъ довѣрiя подробности этого разсказа, въ немъ, надо думать, есть зерно истины: вдали отъ родины, рисуя себѣ въ воображенiи картины московской жизни, Грибоѣдову всего естественнѣе было создать тотъ окончательный планъ комедiи, который мы знаемъ, и отказаться отъ первоначальныхъ, создававшихся подъ непосредственными, частными и мелкими, впечатлѣнiями московской и петербургской жизни.

Въ ноябрѣ 1821 года мы находимъ Грибоѣдова въ Тифлисѣ. На пути туда изъ Тавриза онъ опасно переломилъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку и, не найдя доктора, вынужденъ былъ обратиться къ первому, который могъ подать ему помощь. Въ результатѣ рука его срослась неправильно, такъ что онъ не могъ владѣть ею, и въ Тифлисѣ пришлось снова сдѣлать переломъ для приданiя ей правильнаго положенiя. Ѣхать въ Персiю, гдѣ въ опасной болѣзни своей онъ могъ не найти помощи, Грибоѣдову было невозможно; да внутренно онъ и не желалъ возвращаться въ эту азиатскую страну, полную опаснаго коварства. И Грибоѣдовъ переведенъ былъ «секретаремъ по иностранной части» въ распоряженiе тогдашняго начальника Кавказскаго края, А. П. Ермолова. Человѣкъ большаго ума, Ермоловъ умѣлъ цѣнить Грибоѣдова; привязался къ нему и Грибоѣдовъ, былъ при немъ безотлучно и даже сопровождалъ его въ военныхъ экспедицiяхъ. Въ Тифлисѣ служилъ въ то время впоследствии знаменитый Н. Н. Муравьевъ (Карескiй); Грибоѣдовъ познакомился съ нимъ близко, училъ его

по-персидски, самъ участь у него турецкому языку. О впечатлѣніи, которое произвелъ Грибоѣдовъ на Муравьева, можно судить по словамъ послѣдняго: «Образованіе и умъ его (Грибоѣдова) необыкновенны». Берже въ одной изъ своихъ статей сдѣлалъ слѣдующее характерное описаніе тогдашняго образа жизни Грибоѣдова въ Тифлисѣ: «Поселившись на армянскомъ базарѣ, въ небольшомъ домѣ, въ которомъ занималъ верхній этажъ, состоявшій всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на сѣверъ, откуда открываются предгорья главнаго Кавказскаго хребта, А. С. Грибоѣдовъ болѣею частью оставался у себя, одѣтый по обыкновенію въ туземномъ архадукѣ. Всегда и всеми любимый, онъ посѣщалъ лучшіе семейные кружки тифлисцевъ... Дома занимался музыкой... Онъ усердно продолжалъ заниматься персидскимъ языкомъ, хотя и нельзя сказать, что онъ имѣлъ хорошаго руководителя: это былъ содержатель одной изъ тифлисскихъ бань...»

Въ мартѣ 1823 года Грибоѣдовъ взялъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на четыре мѣсяца; но остался онъ на родинѣ почти два года. Это было время самое плодотворное для него въ отношеніи литературной дѣятельности. Въ Москвѣ, въ домѣ матери и сестры, Грибоѣдовъ въ главныхъ основахъ сдѣлалъ «Горе отъ ума» тѣмъ произведеніемъ, которое обезсмертило его имя. Онъ появлялся въ московскомъ обществѣ, и возвращаясь поздно домой, писалъ и передѣлывалъ сцены, по словамъ Вулгарина, по ночамъ. Въ 1824 г. Грибоѣдовъ получилъ разрѣшеніе ѣхать за-границу для лѣченія и отправился въ Петербургъ. За-границу онъ, однако, не поѣхалъ, и около года прожилъ въ сѣверной столицѣ. Въ это именно время безсмертная комедія его начинаетъ приобрѣтать извѣстность, и онъ долженъ былъ многократно читать ее въ средѣ тогдашнихъ литературно-образованныхъ людей и литераторовъ. Изъ писемъ его видно, однако, что онъ неоднократно принимался и въ эти дни за ея исправленіе. Кругъ знакомства его расширился, и онъ познакомился и сошелся съ нѣкоторыми изъ декабристовъ,— Бестужевымъ-Марлинскимъ, съ Д. Завалишинымъ и другими. Ноябрьское наводненіе въ Петербургѣ дало поводъ Грибоѣдову описать свои впечатлѣнія въ статьѣ: «Частные случаи Петербургскаго наводненія», по цензурнымъ условіямъ не появившейся въ печати. Онъ жилъ тогда въ квартирѣ Одоевского на Торговой, гдѣ вода достигла значительной высоты.

Отказавшись отъ мысли ѣхать за-границу, Грибоѣдовъ рѣшилъ возвратиться въ Грузію продолжать службу. Въ маѣ 1825 года онъ выѣхалъ изъ Петербурга и, черезъ Кіевъ и Крымъ, моремъ проѣхалъ въ Имеретію, а оттуда къ Ермолову.

Осенью Грибоѣдовъ былъ въ экспедиціи противъ горцевъ съ генераломъ Вельяминовымъ; свои впечатлѣнія онъ выразилъ въ стихотвореніи «Хищники на Чегемѣ». Декабрьскія событія 1824 г. въ Петербургѣ не могли не отразиться на немъ, по близкому знакомству его съ декабристами, и въ январѣ 1826 года Ермоловъ получилъ приказаніе арестовать его. Разказываютъ, что, получивъ депешу въ Екатериноградской станицѣ, за ужиномъ, гдѣ былъ и Грибоѣдовъ, Ермоловъ вызвалъ его въ другую комнату и посоветовалъ ему сейчасъ же идти домой съечъ все, что могло бы его скомпрометировать, и когда черезъ часъ явился арестовать его, то, естественно, у Грибоѣдова ничего не нашли. Въ февралѣ Грибоѣдова привезли въ Петербургъ и сдали подъ арестъ. По слѣдствію не найдено было никакихъ основаній привлечь его къ дѣлу о декабристахъ, и въ мартѣ, въ половинѣ, онъ былъ уже свободенъ.

Въ дни заключенія Булгаринъ имѣлъ случай оказать ему нѣсколько услугъ, и Грибоѣдовъ, прежде отказавшійся было совсѣмъ отъ его знакомства, теперь опять подружился съ нимъ. Получивъ свободу, онъ даже поселился съ нимъ на дачѣ, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ, выдавъ только съ близкими людьми и проводя время въ чтеніи и дружескихъ бесѣдахъ. По разказу Булгарина, тогда Грибоѣдовъ «часто бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности. «Время летитъ, любезный другъ», говорилъ онъ: «въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать». ...У него наворачивались слезы, когда онъ говорилъ о бесплодной почвѣ нашей словесности. «Въ жизни народа, какъ въ жизни чловѣка, есть дѣятельность умственная и физическая», говорилъ Грибоѣдовъ: «словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, римляне, евреи не погибли оттого, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не пишемъ, а только переписываемъ!..» Грибоѣдовъ—продолжаетъ Булгаринъ,—чрезвычайно любилъ простой народъ и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ образованныхъ молодыхъ людей, не испорченныхъ еще искательствомъ и свѣтскими приличіями. Онъ находилъ особенное наслажденіе въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ. Кромѣ христіанскаго долга, онъ привлекаемъ былъ туда особеннымъ чувствомъ патріотизма: «Любезный другъ!» говорилъ онъ мнѣ: «только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви—я въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Влади-

мірѣ, Дмитріи Донскомѣ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ; что то же пѣніе трогало ихъ сердца, тѣ же чувства одушевляли набожныя души. Мы русскіе только въ церкви, а я хочу быть русскимъ».

Освобожденіе Грибоѣдова отъ обвиненія по дѣлу декабристовъ остановило на немъ вниманіе императора Николая Павловича. А. С. представился государю и съ чиномъ надворнаго совѣтника вновь получилъ назначеніе въ Грузію. Въ іюлѣ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, побывалъ проѣздомъ у родныхъ въ Москвѣ, и къ концу августа былъ въ предѣлахъ Кавказа. Въ то время уже началась Персидская война, и Грибоѣдовъ засталъ въ Грузіи Паскевича, приходившагося ему по женѣ близкимъ родственникомъ. Извѣстно, что Паскевичъ появляется въ Закавказьѣ съ особыми полномочіями отъ императора и стремленіемъ занять мѣсто Ермолова, и Грибоѣдовъ поставленъ былъ въ крайне неловкое положеніе между глубоко уважаемымъ имъ начальникомъ съ одной стороны, и столько же уважаемымъ родственникомъ съ другой. Отсюда вышли нареканія на него въ двуличности, фактически, однако, ничѣмъ не оправдываемыя. Въ январѣ 1827 года Ермоловъ отрѣшенъ отъ должности, и Грибоѣдовъ становится подчиненнымъ Паскевича, который и предписалъ ему принять въ свое вѣдѣніе заграничныя сношенія съ Турціей и Персіей. Онъ былъ безотлучно при главнокомандующемъ, перенося всѣ труды и лишенія военного времени. Есть извѣстіе, что онъ принималъ участіе даже въ составленіи плана кампаніи.

Во время войны былъ случай, показывающій необыкновенную силу воли Грибоѣдова. Вообще самъ онъ утверждалъ, что власть человѣка надъ самимъ собою ограничена только непреоборимыми силами природы, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно. И вотъ, когда разъ ядро съ непріятельской батареи разразилось подлѣ кн. Суворова, и Грибоѣдовъ, бывшій съ нимъ, почувствовалъ невольное чувство страха, то самая мысль, «нестерпимая для порядочнаго человѣка», что онъ трусъ, оскорбила его, и онъ рѣшился вылѣчить себя отъ робости; при первомъ же случаѣ, онъ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей, сосчиталъ заранее назначенное самому себѣ число выстрѣловъ, и потомъ тихо повернулъ лошадь и спокойно отѣхалъ прочь. «Знаете-ли,—говорилъ онъ послѣ,—что это прогнало мою робость! Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся я чувству страха, оно усилилось бы и утвердилось бы во мнѣ».

Рядъ пораженій, понесенныхъ персіянами, заставилъ ихъ просить мира; для переговоровъ Паскевичъ назначилъ къ Аббасу-

мирзѣ Грибоѣдова. Донесеніе Грибоѣдова объ этихъ переговорахъ (см. стр. 348) показываетъ, съ какимъ тактомъ выполнилъ онъ трудное порученіе. Наконецъ, заключенъ былъ и Туркманчайскій договоръ. Представленіе его государю досталось на долю опять Грибоѣдова. Онъ былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ Св. Анны 2-й степени съ алмазами и 4,000 червонныхъ. Грибоѣдова, впрочемъ, не манили награды, и онъ мечталъ выйти въ отставку и зажить кабинетною жизнью. Но судьба судила иначе... Въ мартѣ 1827 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ, по волѣ императора Николая Павловича, онъ уже получилъ назначеніе полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдовъ, самъ же предложившій учрежденіе этого поста, по совѣзмъ не ожидавшій для себя назначенія на него, по относительной незначительности своего чина, съ недобрыми предчувствіями думалъ о Персіи, зная, сколько враговъ теперь имѣлъ онъ тамъ среди сановниковъ шаха, и между ними особенно вліятельнаго Аллаяръ-хана. «Насъ тамъ непременно всѣхъ перережутъ», сказалъ онъ Жандру, пріѣхавъ къ нему тотчасъ послѣ полученія назначенія.—«Аллаяръ-ханъ мой личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата». То же самое повторилъ онъ Бѣгичеву, съ которымъ видѣлся уже на пути въ Персію. Предчувствія его оказались вѣщими.

Въ началѣ іюня Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга, и въ половинѣ іюля былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь счастье на недолгіе дни улыбнулось Грибоѣдову. Еще въ Петербургѣ онъ говорилъ о своей любви къ дочери генерала Чавчавадзе, Нинѣ Александровнѣ; теперь онъ сдѣлалъ предложеніе, и оно было принято. Тогда шла война съ Турціей; Паскевичъ, котораго Грибоѣдову необходимо было видѣть, былъ въ дѣйствующей арміи, а къ ней проѣхать было затруднительно, потому что ей въ это время угрожала чума, свирѣпствовавшая уже въ турецкихъ войскахъ. Эти обстоятельства задержали Грибоѣдова въ Грузіи. Тѣмъ не менѣе, обвинявшійся съ Ниной Александровной, Грибоѣдовъ въ первыхъ числахъ сентября могъ выѣхать въ Тавризь. Резиденція наслѣдника персидскаго престола, Аббаса-мирзы, Тавризь, была мѣстомъ, назначеннымъ для европейскихъ миссій; въ немъ предстояло жить и Грибоѣдову. Но предварительно онъ долженъ былъ представиться шаху, и съ этою цѣлью, оставивъ жену въ Тавризѣ, онъ въ первыхъ числахъ декабря уѣхалъ въ Тегеранъ. Тамъ его ожидала ужасная смерть.

Грибоѣдова приняли въ Тегеранѣ со всѣми почестями, должными русскому посланнику. Но вскорѣ неизбежно возникли недоразумѣнія и недовольство со стороны персіянъ. По Туркманчай-

скому договору Персія обязалась освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которые пожелаютъ возвратиться въ отечество, и уже на пути въ Тегеранъ Грибоѣдову пришлось неоднократно рѣшать дѣла этого рода. Справедливость его произвела благопріятное впечатлѣніе въ населеніи. Но въ Тегеранѣ обстоятельства скоро приняли характеръ тревожный. Посланника преслѣдовали просьбами объ освобожденіи различныхъ, насильно удерживаемыхъ въ гаремахъ русскихъ плѣнницъ. Дѣло коснулось до гаремовъ весьма вліятельныхъ лицъ Персіи. Не избѣжалъ, наконецъ, того же и самый шахскій дворець: нѣкто Мирза-Якубъ, свихухъ, уроженецъ Эривани, нѣкогда, при Циціановѣ, поавшій въ плѣнъ и теперь занимавшій важную должность казначея и главнаго хранителя богатствъ шахскаго гарема, явился къ посланнику съ заявленіемъ, что и онъ желаетъ возвратиться на родину. Грибоѣдовъ былъ поставленъ въ положеніе крайне затруднительное: отказывать плѣннымъ въ покровительствѣ, сообразно желаніямъ персіянъ, значило бы отказаться отъ правъ, предоставленныхъ Россіи договоромъ, и тѣмъ унижить ея достоинство; настаивать на исполненіи договорной статьи во всей ея цѣлости — значило раздражать персіянъ. Грибоѣдовъ предпочелъ, однако, послѣднее.

Между тѣмъ розыски плѣнныхъ поселяли въ населеніи Тегерана все болѣе и болѣе ропотъ. Самъ шахъ не допускалъ и мысли отсутствовать изъ Персіи Мирзу-Якуба, который могъ разгласить тайны шахскаго гарема; и сановники шаха употребляли всѣ средства, чтобы задержать Якуба. Все это кончилось открытымъ возмущеніемъ тегеранской черни, возбуждаемой магометанскимъ духовенствомъ и, вѣроятно, не безъ тайнаго подстрекательства со стороны Аллаяръ-хана. Огромная толпа осадилъ домъ, гдѣ помѣщался русскій посланникъ, требуя выдачи Мирзы-Якуба и двухъ женщннъ. Тщетно стража посланника пыталась сдержать напоръ осаждающихъ, осыпавшихъ домъ камнями; нѣсколько убитыхъ ею персіянъ, тотчасъ же отнесенныхъ съ торжествомъ въ мечеть, только усилили неистовство черни. Толпа ворвалась во дворъ, перелѣзла черезъ стѣны. Стража была перебита, убійцы прошли во внутренне покое, и Грибоѣдовъ со всею своею свитою палъ въ неравнѣйшій борьбѣ подъ ударами персидскихъ кинжаловъ, и бездыханное тѣло его въ теченіе трехъ дней было игральщомъ тегеранской черни. Спасся тогда, и только благодаря счастливому случаю, одинъ первый секретарь посольства, Мальцевъ.

Послѣ долгихъ розысковъ, въ грудѣ труновъ, передъ окнами квартиры посольства, нашли обезображенное тѣло Грибоѣдова, узнаваемое, какъ уже сказано выше, только по сведенному пальцу на рукѣ отъ раны, нѣкогда полученной на дуэли съ Якубо-

вичемъ. Торжественно перевезли его въ Тифлисъ и тамъ похоронили.

На западной сторонѣ Тифлиса возвышается священная для грузинъ гора Мтацмнда. На одномъ изъ уступовъ ея построены женскій монастырь Св. Давида. Съ террасы монастыря открывается очаровательный видъ: Тифлисъ разстилается глубоко внизу, на востокъ сверкаетъ Кура, за нею, вдали—синія горы Кахетин. Мѣсто это особенно нравилось Грибоѣдову. Уѣзжая изъ Тифлиса, томимый мрачными предчувствіями, онъ просилъ жену не оставлять костей его въ Персін, а похоронить въ монастырѣ Св. Давида. Молодая вдова свято исполнила волю покойнаго мужа, памяти котораго она осталась вѣрна всю свою долгую жизнь (она умерла въ 1857 году), завѣщавши и похоронить себя съ нимъ рядомъ. Подъ монастырской террасой, съ восточной стороны церкви, въ склепѣ за полукруглой аркой, огражденной рѣшеткою, возвышается памятникъ изваянный въ Москвѣ извѣстнымъ художникомъ Кампіони. На высокомъ пьедесталѣ стоитъ распятіе; колѣнопреклоненная скорбная женская фигура склоняется къ кресту, у подножія котораго лежитъ книга съ надписью: «Горе отъ ума». На пьедесталѣ, подъ медальоннымъ портретомъ Грибоѣдова, золотыми буквами написано: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года, января 4-го дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30-го дня». На одной изъ сторонъ выбито: «Незабвенному его Нина»; а съ противоположной стороны трогательныя слова: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя!».

А. В.

